

Е. Ю. Щеголькова

СВЯТАЯ ФЕКЛА В ПРОГРАММЕ РОСПИСИ ЦЕРКВИ СПАСА НА НЕРЕДИЦЕ

В аркосолии северного простенка нефа церкви Спаса Преображения на Нередице в Великом Новгороде находится фреска святой первомученицы Феклы. Ее описание и публикации появляются в работах искусствоведов с начала XX в. [Суслов, с. 141; Успенский, с. 10; Мясоедов, с. 84], однако впервые как элемент росписи она рассмотрена Н. В. Пивоваровой [Пивоварова, 1999; Пивоварова, 2002а]. Положение фрески св. Феклы особенно: она изображена в арке северного аркосолия напротив ктиторского портрета князя Ярослава Владимировича. При этом сведения о культе почитания св. Феклы, ее роли в древнерусской христианской традиции крайне скудны, а интерпретацию, предложенную Н. В. Пивоваровой, нельзя назвать полностью удовлетворительной. Задача этой статьи — вернуться к истории строительства церкви Спаса Преображения на Нередице и рассмотреть образ св. Феклы в рамках конкретной иконографической программы.

Из Спасо-Преображенского собора в Чернигове происходит фреска св. Феклы, датируемая 30-ми годами XI в. Согласно примечанию указателя каталога Государственного Русского музея, она находилась в западной подпрудной арке северного нефа [Древнерусские фрески, с. 8]. В Новгороде изображение св. Феклы известно по пластине серебряного оклада иконы «Апостолы Петр и Павел», датируемого серединой XII в. [Гордиенко; Смирнова]. Существует Ростовская двухсторонняя выносная икона XIII–XIV в. «Святые мученики Евстафий и Фекла» («Богоматерь Умиление»). В месяцесловной традиции память первомученицы отмечается 24 сентября и прослеживается повсеместно, начиная с древнейших евангелий [Лосева, с. 161–162]. Под 1200 г. в Лаврентьевской летописи находим: «Свѣрши стѣноу тоу мѣца сентября въ кд днь на стрть стья первомученици Феклы»¹.

Существует сокращенное житие св. Феклы в Пространной редакции Юрьевского Пролога (втор. пол. XIV в.). Оно восходит к апокрифическим «Деяниям Павла и Феклы», переведенным на славянский язык, скорее всего, в X–XI в. и получившим известность в Slavia Orthodoxa как «Мучение святой первомученицы Феклы» [Атанасова, с. 265]. Это сочинение, написанное на греческом языке, входило в состав «Деяний апостола Павла» [Аверинцев]; с другой стороны, оно имеет сирийскую версию «История Феклы, ученицы Павла апостола», перевод которой сделала Е. Н. Мещерская [Мещерская]; заключительный эпизод в сокращенном варианте Юрьевского

¹ ПСРА. СПб., 1908. (М., 1998). Т. 2. С. 486.

Пролога отсутствует в обеих рукописях и, по-видимому, восходит к версии жития, созданной селевкийским епископом Василием около VI в. [Каковкин, 2004, с. 230; Коробейникова, с. 366].

Мѣа тогѡ въ · кд · днѣ на памѣ стѣна первомѣнци феклы · стѣна великаа первомѣнца фекла · бѣ ѿ града иконискагоо · феклаѣи нѣкожа добродѣны дщи · вшедшо же павлу аплу · и слышавша юго оуучаа слову бѣю · в дому онсифоровѣ · и пришедши же к нему наоучиса вѣрѣ хѣе · бѣ же тогда · иѣ · лѣ обручена бѣ мужевѣ бѣту нарицаемому фамору · преобидѣвши же мѣрь и мужа и бѣтство · в слѣдѣ иде папла · и пришедши въ антию писидийскую · ту нѣта бѣ · ѣ предана звѣремъ игѣмономъ · александрьскимъ · и никакоже не врежена бѣ ѿ нѣ бѣюу бѣтѣю сѣюдена бѣ · и многи наоучи вѣровати ху · взративши же са въ свое оѣтво · и ту вселиса в нѣкую гору и ту живаше · и въсхотѣвшимъ несѣнымъ члѣкомъ нѣти и осквернити ю · и || раступиса камень принатъ ю · и ту сконча свои животъ живши всѣ лѣ · ѣ · преставѣ к бѣу
(Юрьевский Пролог. Л. 32в—г)²

В византийской традиции засвидетельствовано несколько примеров почитания святой Феклы. Четыре церкви ее имени известны в Константинополе, одну из которых строит Константин Великий [Атанасова, с. 263]. Император Исаак Комнин на месте часовни, возведенной царевной Феклой (IX в.)³, ставит церковь, где впоследствии постоянно молится мать Анны Комнины, Анна Далассина⁴. По свидетельству Евагрия Схоластика, святая Фекла является императору Зенону, которого побуждает вернуться к власти⁵. Зенон строит грандиозный храм в честь Феклы в Селевкии; согласно работе Стивена Дэвиса, этот храм становится главным центром ее почитания [Davis, p. 6].

Находки паломнических флагов, медальонов, коробочек, гребешков, дипинтиев, фресок и вышивок на ткани свидетельствуют, по С. Дэвису, о широком распространении культа почитания Феклы в Малой Азии и Египте начиная со II в. А. Я. Каковкин полагает, что пик популярности Феклы приходится на два-три столетия позже [Каковкин, 1981]. Описываемый им тканевый медальон являлся частью, вероятно, детской туники; «символическое значение изображений в медальоне на одеянии (львица ластится к руке Феклы, над ними — ангел с венком. — Е. III.), в котором был похоронен покойник, по-видимому, имело охранительный характер и связывалось с верой в спасение; господь, защитивший Феклу, будет так же милостив и к владельцу туники» [Каковкин, 1981, с. 140].

«Деяния Павла и Феклы» восходят к устным рассказам, создававшимся и передававшимся в женских общинах [Davis, p. 13], что следует, в частности, из того, что текст жития «последовательно очерняет персонажей-мужчин»⁶ [Johnson, p. 80]. Это сказывается и в некоторых акцентах. «Во всем каноне Нового Завета, — пишет С. С. Аверинцев, — только один раз говорится о блаженстве девственников, “которые не осквернились женами” (Апок. 14, 4); но в “Деяниях Павла и Феклы” эта тема, затрагивающая самые чувствительные струны в душах стольких людей той эпохи, с неослабевающим энтузиазмом трактуется чуть ли не на каждой странице» [Аверинцев, с. 310]. «Деяния» — первое агиографическое сочинение, в котором женщина (девушка) играет первостепенную роль [Lehtipuu, p. 355]. Впоследствии Мефодий Патарский напишет аллегорический «Пир десяти дев», в котором Феклу венчают «венком большим и густейшим, как первую... и наиболее отличившуюся (из девственников. — Е. III.)»⁷.

² РГАДА. Ф. 381. Собр. Синодальной типографии. № 153, втор. пол. XIV в. URL: http://prolog-manuscript.org/content_pr.php?page=32c (дата обращения: 01.04.2018).

³ *Подражатель Феофана*. Жизнеописание византийских царей. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009. С. 65.

⁴ *Анна Комнина*. Алексиада / Пер. с греч. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. С. 131–132.

⁵ *Евагрий Схоластик*. Церковная история. 2-е изд., испр. СПб., 2010. Кн. I–VI. С. 189–190.

⁶ «Consistently denigrates its male characters» [Здесь и далее перевод мой. — Е. III.].

⁷ Творения св. Григория Чудотворца и св. Мефодия, епископа и мученика. М., 1996. С. 130.

Неудивительно поэтому, что «Деяния» попадают в индекс запрещенных текстов, принятый императором Геласием в конце V в., — *Decretum Gelasianum*. Идея женщины-проповедницы, равноапостольной святой, входила в противоречие с идеями, традиционно приписываемыми апостолу Павлу. «А если некоторые, — пишет Тертуллиан, — основываясь на сочинении, ошибочно приписанном Павлу, приводят пример Феклы в доказательство того, что женщины могут учить и крестить, то пусть знают, что пресвитер из Азии, который сочинил это писание, словно вознамерившись увеличить авторитет Павла своим трудом, будучи уличен, сознался, что сделал это из любви к Павлу, и был лишен места. Но может ли оказаться вероятным, чтобы тот, кто определенно не разрешил женщине учиться, дал ей власть учить и крестить? Пусть молчат, — сказал он, — спрашивают дома у своих мужей! (ср. 1 Кор. 14,34 — 35)»⁸.

Со временем образ святой Феклы утрачивает свою оригинальность [Lehtiruu, p. 375]. Теперь Фекла — одна из множества святых дев. Однако, по-видимому, в XI—XII в. ее особенность на Руси каким-то образом учитывалась. Об этом свидетельствует, прежде всего, присутствие святой Феклы на таких предметах прикладного искусства и в таком контексте, которые никак нельзя назвать «бытовыми»: дорогой серебряный оклад, выносная икона и росписи, из которых по крайней мере последние были сделаны по заказу князей Рюриковичей. Если пытаться искать нити, тянущиеся к древнерусскому почитанию св. Феклы, то это имеет смысл делать в двух направлениях: византийском и сирийском. Редкость упоминаний святой Феклы указывает на то, что к ее образу обращались либо в нетривиальной ситуации, либо нетривиальные по статусу люди — например, представители княжеской династии. Либо же и в том, и в другом случае.

В отличие от изображений на серебряном окладе, выносной иконы и черниговской фрески, нередкий образ святой Феклы помещен в богатый иконографический контекст. Как писал уже Л. И. Лифшиц, «роспись храма не представляла собой иллюстрацию общественного богослужения, а скорее всего, была связана с чином поминания усопших» [Лифшиц, с. 195]. Эту идею развивает и Н. В. Пивоварова в своей монографии, и А. А. Гиппиус, на работы которых мы будем опираться в своих разысканиях.

В 1198 г., во время строительства церкви Спаса на Нередице (см.: [Гиппиус, Седов]), у новгородского князя Ярослава Владимировича погибают двое сыновей: старший Изяслав (Михаил) и младший Ростислав⁹. Из четверых детей¹⁰ в живых остаются двое: средний сын и старшая дочь. Рассказ об этих трагических событиях находит отражение в поминальной надписи, сделанной в Георгиевском соборе Юрьева монастыря [Гиппиус, Седов, с. 478—490], и фресковой росписи, законченной к 1199 г.¹¹ Так, Изяслав и Ростислав Ярославичи уподобляются свв. Борису и Глебу [Мурьянов; Лифшиц; Пивоварова, 2002а]. Еще в статье 2005 г. А. А. Гиппиус обращает внимание на то, что есть нечто загадочное «в этой смерти княжичей, одновременно случившейся в разных городах, в год, не отмеченный никакой эпидемией» [Гиппиус, 2005б, с. 24]. В русле напряженных отношений Всеволода Большое Гнездо со своим свояком, который «уже ощущал себя “великим князем” огромной Новгородской земли» [Гиппиус, 2005б, с. 22], есть основания полагать, что смерть сыновей Ярослава Владимировича, безусловно, сыграла на руку Всеволоду: вероятность открытого пересмотра «той схемы отношений, согласно которой Ярослав в Новгороде был лишь представителем владими́ро-суздальского князя» [Гиппиус, 2005б, с. 23] резко снижалась. Меж тем основания считать себя «“великим князем” огромной Новгородской земли» у Ярослава были: его отец приходился сыном Мстиславу Великому и дочери новгородского посадника Дмитра Завидича [Гиппиус, 2005б, с. 15; Литвина, Успенский, с. 178].

⁸ Тертуллиан. О крещении // Тертуллиан. Избранные сочинения: Пер. с лат. / Общ. ред. и сост. А. А. Столярова. М., 1994. С. 103.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 44—45.

¹⁰ Там же. С. 39—41.

¹¹ Там же. С. 44.

Фреска св. Феклы получает интерпретацию в работе Н. В. Пивоваровой с выделением четырех основополагающих черт в образе святой:

1. Дар бесстрастия: обладающая им душа умершего сразу возносится на небо, не претерпев «воздушных мытарств»;
2. Неуязвимость перед огнем и особая близость к морю, покровительство водной стихии;
3. Избавление от мук и причисление к лику праведников дочери антиохийской царицы Трифены;
4. Особое заступничество «за души умерших перед Престолом Всевышнего... дар исцеления недугов душевных и телесных» [Пивоварова, 2002а, с. 83–84].

Нам представляется, что приведенных аргументов недостаточно для того, чтобы объяснить, почему святая Фекла должна быть заступницей умерших сыновей князя Ярослава Владимировича или его самого.

Начнем с рассказа об антиохийской царице Трифене. «Была же там царица некая, богатая, по имени Трифена, у которой умерла дочь. И она пришла и взяла Феклу, и охраняла ее. И появилось у нее утешение, с тех пор как увидела она Феклу» [Мещерская, с. 424]. Трифена (из «рода кесарийского» [Мещерская, с. 429]) и ее дочь *не были крещены*. Царица берет праведницу под свое покровительство «потому, что печалилась она о ней, что завтра снова придут бросить ее зверям, но еще и потому, что страдала душа ее о дочери ее, которая умерла» [Мещерская, с. 425] и потому еще, что дочь Трифены является матери во сне со словами: «Матушка моя, эту Феклу, чужестранку и гонимую, возьми ее вместо меня, ибо будет она молиться обо мне, чтобы я смогла пройти на место праведных» [Мещерская, с. 425]. После того как Фекла спасается на арене, Трифена восклицает: «Дочь моя, Фекла, ныне в то уверовала я, что мертвые живы. И ныне в то уверовала я, что дочь моя — жива»¹² [Мещерская, с. 430]. Этот эпизод демонстрирует, как женщина царского рода принимает христианство от молодой чужестранки — Феклы, праведницы и проповедницы. В этом смысле история Феклы повторяется на примере истории Трифены.

Разница между умершими княжичами и дочерью антиохийской царицы принципиальна: Изяслав и Ростислав Ярославичи умерли крещеными, и, следовательно, вопрос об особенном заступничестве Феклы за их души уже не стоит. Если же в ком и искать заступников Изяславу и Ростиславу, то в свв. Борисе и Глебе. Напротив, если Фекла дарует утешение и спасение отцу княжичей, Ярославу, по-прежнему неясно, почему: а) на эту роль избирается Фекла, а не Богородица или святая Варвара; б) почему, зная о подчеркнутом разделении «“правого” и “левого”, Рая и Ада, “добродетели” и “порока”» [Пивоварова, 2002а, с. 82], заданном сценой Страшного суда, художник помещает Феклу по ту сторону границы, на противоположном конце храма, вдалеке от сцен рая и шествия праведников.

Апокалиптические персонификации Земли и Моря, символы адских мучений и «Богатый в адском пламени» своей композицией обязаны центральному образу Феклы в северном аркосолии. Кажется крайне маловероятным, что вначале художник изобразил эти сцены, а после догадался, что в их композицию вписывается Фекла. Скорее ситуация разворачивалась в обратную сторону: художник заранее знал, какой праведник займет место в аркосолии и, исходя из этого, выстраивал систему изображений вокруг ниши. При этом художник должен был связать образ праведника как с апокалиптическими сюжетами северной оконечности стены, так и с комплексом фресок примыкающего с востока компартамента.

Станным образом в разговорах о заступничестве и исцелении душевных ран исследователи забывают о существовании жены Ярослава Владимировича Марфы (об их христианских именах

¹² Согласно Р. Бартлету [Bartlett, p. 24–25], о самой Фекле сказано, что «в расширенной версии её истории, относящейся к V веку, она не умирает, но живой уходит под землю» («In the expanded version of her story current by the fifth century, she does not die but sinks alive into the ground»).

см.: [Лифшиц; Пивоварова, 2002б; Гиппиус, 2005а]). Мы позволим себе сделать небольшое отступление и напомнить, что церковь Спаса Преображения на Нередице (1198–1199 г.) и церковь Спаса Преображения в Полоцке (ок. 1161 г.), помимо общности праздника, в честь которого они возведены, мыслились их заказчиками как семейные усыпальницы. В обоих случаях ктиторами выступали Рюриковичи: князь Ярослав Владимирович, с одной стороны, и Евфросиния, дочь Святослава Всеславича, — с другой [Седов; Сарабьянов, с. 87]. В обеих церквях были обнаружены бесспорно патрональные изображения, связанные с именами князей и их родственников. Образы святых жен (Евфросинии Александрийской, Софии, Евдокии, Евпраксии) в церкви Спаса Преображения в Полоцке В. Д. Сарабьянов отождествляет с заказчицей храма, ее матерью и двумя сестрами [Сарабьянов, с. 99–102]. Имеется ли на Нередице иконографическая программа, связанная с именем Марфы? Эта идея не кажется столь невероятной.

В дальнейшем мы будем рассматривать комплекс фресок северо-западного компартимента в третьем регистре, примыкающий к росписи вокруг интересующего нас аркосолия. Если двигаться вдоль западной грани по внешней стороне в сторону алтаря, то последовательность выглядит так: Неизвестная святая (X), Евфросиния (E), Никифор (N₁), Нестор (Ne), сцена Рождества Богородицы (Rojd). На внутренней арке компартимента — фрески святой Пелагии (P) и Феодосии (Th).

Н. В. Пивоварова по отдельности описывает E и X, а имя P приводит в связи с критикой построения М. В. Щепкиной. М. В. Щепкина предприняла попытку отыскать на Нередице небесных покровительниц княгинь Рюриковен, имеющих отношение к семье Ярослава Владимировича; в частности, безвестных родственниц Марии Шварновны, супруги Всеволода Большое Гнездо [Щепкина, с. 96; Пивоварова, 2002а, с. 66, 85–86]. Это построение было подвергнуто критике Н. В. Пивоваровой [Пивоварова, 2002а, с. 66] и А.А.Гиппиусом [Гиппиус, 2005а, с. 109]. «Предложенное М. В. Щепкиной истолкование, — пишет Н. В. Пивоварова, — не может быть признано убедительным не столько в силу крайней ограниченности наших знаний об именах представительниц различных ветвей княжеских династий, сколько по причине широкого распространения образов большинства из упомянутых святых в византийских храмовых программах» [Пивоварова, 2002а, с. 66]. Соглашаясь с доводами Н. В. Пивоваровой и А. А. Гиппиуса, мы, однако, должны признать, что идея, предложенная М. В. Щепкиной, по-видимому, получает продолжение.

Древнерусские месяцесловы знают для E, P, Th:

Евфросинию Александрийскую (память 25 сентября);

Феодосию Тирскую (память 3 апреля (мученическая кончина) и 29 мая (перенесение мощей в Константинополь));

Пелагию Антиохийскую (память 8 октября) и Пелагию Тарсийскую (память 4 мая и 8 октября) [Лосева, с. 162, 172, 307].

В таблице 1 приведены результаты сравнения сюжетов житий Феклы (F), E, Th, P¹³ (см.: [ПЭ, т. 17, с. 505–507; Cureton, р. 23–26; Димитрий Ростовский, 2009, с. 744]). В случае P мы выбирали между «раскаившейся блудницей» и «невинной девой» и отдали предпочтение последней, поскольку тогда мы получаем определенную закономерность. F, E, Th и P:

а) юные девушки, девственницы, в 3 из 4 случаев не желающие принять брак за знатного, наделённого властью человека (F, E, P); преимущественно знатный человек желает учинить над девушкой насилие и предать муке, однако терпит поражение (вкл. Th);

¹³ См. на сайте Апостольской библиотеки Ватикана, с. 96. URL: http://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.gr.1613 (дата обращения: 21.04.2018).

б) конфронтация с родителями обусловлена желанием девушки целиком посвятить себя служению Христу и даже мученичеству за него (так, Th — «a virgin of god» («невеста Христова») [Cureton, p. 22]);

в) подразумевается *знатное происхождение* девушек (F, E, P; о Th косвенно: «Покуда одни восхищались (курсив мой. — Е.Ц.) этой молодой девушкой, он (император. — Е. Ц.) был преисполнен ярости и злобы против неё»¹⁴ [Cureton, p. 23]).

Сближение сюжетов житий намечает смысловое поле, в котором могла возникнуть фреска святой Феклы. Напомним, что в переходе от северной стены к северо-западному компартименту, между F и X помещен «Богатый в адском пламени». «Представленный в северном простенке Богатый, — пишет Н. В. Пивоварова, — обращался со словами мольбы к размещенному в южном праотцу Аврааму с душой праведного Лазаря в лоне: “О(т)че Аврааме, помилуй мя и послы Лазаря, да омочить персть свои въ воде и устудить ми язык изъмагаю бо въ пламени” (ср.: Лк. 16:24). Приводимый в притче ответ Авраама был опущен в Нередице. Это отсутствие компенсировалось взаимным расположением композиций в пространстве западного нефа, указывающим на непреодолимую пропасть между правой и левой сторонами» [Пивоварова, 2002а, с. 82–83]. Вместо Лазаря Богатому отвечает бес: «Дроуже богатыи испей горящаго пламени» [Пивоварова, 2002а, с. 83]. Греховность Богатого подчеркивается отступлением от канона, а фреска содержательно замыкается сама в себе: диалог с Лазарем заканчивается, не успев начаться. Граница между северным и южным аркосолиями, проведенная картиной Страшного суда, остается незыблемой. С темой богатства, безусловно, связана F. X же указывает воздетыми руками на Богатого и E; она стоит между ними — грешником и праведницей, отказавшейся от замужества и земных сокровищ.

Таблица 1

Имя	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
	Юный возраст	Знатное, «славное» происхождение	Замужество с богачом, родители	Христианская проповедь	Отказ от брака, служение Христу	Мученичество	Мирная кончина
Фекла Икон.	+	+	+ / +	+	+ / +	+ (–)	+
Евфросиния Алекс.	+	+	+ / +	+	+ / +	–	+
Пелагия Тарс.	+	+	+ / +	+	+ / +	+	–
Феодосия Тирс.	+	? (+)	неизвестно / +	(+) уже благочестива	неизвестно / +	+	–

Структура этой композиции дублируется на соседнем юго-западном компартименте, где последовательность фресок в третьем регистре (если двигаться от южного аркосолия по внешней грани в сторону алтаря) такая: Мария Египетская (Me), пророк Елисей (El), мученик Никифор (N₂), преподобный Мартирий (Mar), мученик Созонт (S), Иоанн-воин (I). На внутренней арке компартимента — мученицы Варвара (B) и Иулиания (Iu). Мария Египетская в таком случае указывает на El и святую Анастасию (A).

A. А. Гиппиус связал эти фрески с именами новгородского художника-иконописца Олисея Гречина, архиепископа Мартирия и князя Ярослава Владимировича [Гиппиус, 2005а].

Me = Марена (Мария), жена боярина Петра Михалковича и мать Олисея Гречина;

El = Олисей (Елисей) Гречин;

A = Анастасия, сестра Олисея Гречина;

¹⁴ «Like one much excited by this young woman, he was filled with rage and fury against her».

N_2 = митрополит Никифор, рукоположивший в архиепископский сан Мартирия;

Mag = архиепископ Мартирий;

I = Ярослав Владимирович, чьим христианским именем было *Иоанн*;

S = Созонт, единственный выживший сын Ярослава Владимировича и Марфы.

Мать Гречина, по предположению А. А. Гиппиуса, после смерти мужа принимает имя *Маремьяна* и становится игуменьей Варвариного монастыря, что объясняет нахождение в арке фресок свв. Варвары и Иулиании. Культ почитания Варвары прослеживается в Новгороде с XI в., а Варварин монастырь считается самым крупным и значимым женским монастырем в это время¹⁵ [Зализняк, с. 276].

Если учесть, что Олисей Гречин унаследовал от отца должность представителя князя в сместном суде, а сестра Гречина вышла замуж за сына Юрия Долгорукого, Мстислава Юрьевича [Гиппиус 2003], становится ясно, по какому принципу подобраны перечисленные фрески. Роспись третьего регистра связана с фигурой князя Ярослава Владимировича и его окружением. (О N_2 и киевском митрополите см. далее.) Мы уже высказали предположение, что роспись северо-западного компартимента и, в частности, фреска святой Феклы могут относиться к жене Ярослава, Марфе. Довольно трудно представить себе, что в соседнем регистре имеется случайный набор фресок. Одна пара Никифоров, взирающих друг на друга, чего стоит!

Обратим свое внимание на нетривиальное соседство Ne и Rojd. Сцена начинается богородичный цикл, продолжающийся по северной стене («Сретение» и «Введение во храм»), и пишется в перпендикулярной плоскости. Ne вписан в арку, поддерживаемую двумя колоннами, от которой продолжается еще одна, поменьше. Позади этой маленькой арки, также опирающейся на колонну, высится дом Иоакима и Анны; в проеме, отодвигая занавесь, стоит женщина — служанка, — наблюдающая за Анной. Выглядывающая из дома, она заключена в двойную рамку. Наслоение архитектурных элементов вокруг этой фигуры выделяет две картины, объединенные в плоскости компартимента. Первая относится к Rojd, где дом Иоакима и Анны и служанка, стоящая на пороге, сосуществуют в едином пространстве действия. На второй та же самая служанка вписана в двойной арочный проход вместе с Ne. Рисунок колонн тождественен тому, что мы наблюдаем на I, Mag, N_2 .

Странная художественная особенность, выразившаяся в нагромождении архитектурных элементов, получает объяснение в свете сообщения Новгородской первой летописи о рождении старшей дочери Ярослава Владимировича: «Въ то же лѣто родися Новгороде у Ярослава дѣщи княгыни на Рожьство богородици»¹⁶. В год росписи Нередицы (1199 г.) княгиня ставит церковь Рождества Богородицы на Михайловой улице: «Томъ же лѣтѣ постави церковь княгыни Ярославля на Михалици монастырь святыя богородиця Рожьство, игуменью поставиша Завижюю посадника»¹⁷. «Чрезвычайно показателен, — пишет А. А. Гиппиус, — в этом отношении факт основания Рождественского монастыря в 1199 г. женой Ярослава Владимировича. Вместе с основанным князем Нередицким монастырем он составлял точно такую же пару, какую во Владимире образовывали княжеский Рождественский и “княгинин” Успенский монастыри» [Гиппиус, 2005б, с. 22]. На идейное единство двух монастырей прямо указывает Н. В. Пивоварова: «Основание княжеской четой двух монастырских церквей в условиях нестабильного положения в Новгороде свидетельствовало о существовании *единой идейной программы, объединявшей обе постройки и, по-видимому, вызванной к жизни семейной трагедией весны 1198 г.* (курсив мой. — Е. Щ.)» [Пивоварова, 2002а, с. 26].

¹⁵ НПЛ. С. 25, 30, 33, 43, 57, 59, 60, 211, 218, 258, 260, 262, 397.

¹⁶ Там же. С. 39.

¹⁷ Там же. С. 44.

До настоящего времени в литературе не акцентировалось внимание на существовании старшей дочери Ярослава Владимировича, никак не ставился вопрос о ее судьбе до и после событий 1198–1199 г. А судьба ее была определена: в начале XIII в. Ярослав Владимирович должен был выдать свою дочь замуж. Тем самым вступив во внутрдинастическую борьбу как полноправный субъект, обзаведшийся «своей волостью», у которого уже были наследники этой волости, нарушающий установившуюся схему отношений, заявленную княжением Всеволода Большое Гнездо. Напомним, что Всеволод «с самого начала рассматривал своих сыновей и дочерей как средство для построения исключительно системы свойства, охватывающей всю территорию, подвластную Рюриковичам. Девочкам отводилась в этой системе почти столь же важная роль, что и мальчикам» [Литвина, Успенский, с. 264]. «В каком-то смысле вся бурная деятельность Ярослава в Новгороде была лишь попыткой преодолеть собственное изгойство, попыткой глубоко продуманной, смело и умно осуществлявшейся, но заранее обреченной на провал», — пишет А. А. Гиппиус [Гиппиус, 20056, с. 23]. Одна из граней этой деятельности Ярослава на новгородском столе должна была выразиться в заключении междинастического или внутрдинастического брака.

Возвращаясь к фреске, мы предполагаем, что двойным наслоением арок художник выделяет княгиню, как бы наблюдающую за рождением дочери. В этой связи мы, по-видимому, знаем, как ее звали: *Евфросиния*. Это христианское имя засвидетельствовано у дочерей Мстислава Владимировича (Великого), Ростислава Рюриковича (праправнука Мстислава), Бориса Юрьевича (сына Юрия Долгорукого), Ярослава Осмомысла (и его жены), Святослава-Георгия Всеславича (внука Брючислава Изяславича). «Имя Евфросиния... — пишут Ф. Б. Успенский и А. Ф. Литвина, — могло быть... крестильным, или, иначе говоря, светским христианским именем... Как кажется, оно стало одним из излюбленных родовых христианских имен у Рюриковичей. Скорее всего, такой выбор имени для девочки в каждом следующем поколении мог подчеркивать ее связь не только со старшими родственницами, носившими это имя в миру, но, в меньшей степени, и с почитаемыми тезками-инокинями. Наиболее любопытен в этом отношении пример с тремя родственницами, принадлежащими к ветви Юрия Долгорукого. Ольга Юрьевна, дочь Долгорукого и жена Ярослава Осмомысла, приняла имя Евфросиния в монастыре. Ее племянница, дочь князя Бориса Юрьевича Белгородского, по-видимому, носила то же самое имя в миру. Можно допустить, что перед нами своего рода семейный культ св. Евфросинии» [Литвина, Успенский, с. 178].

Как известно, Ярослав Владимирович назван Новгородской летописью «великим князем», сыном Владимира и внуком Мстислава (Владимировича)¹⁸, «славное и продолжительное княжение которого (Мстислава. — *Е.Щ.*) оставило глубокий след в исторической памяти Новгорода» [Гиппиус, 20056, с. 15]. Ориентация на деда и дядю, Всеволода Мстиславича, ярко прослеживается в деятельности Ярослава на новгородском столе [Гиппиус, 20056, с. 15–18]. От второго брака с дочерью новгородского посадника Дмитра Завидича у Мстислава Великого рождаются сын Владимир и дочь Евфросиния [Гиппиус, 20056, с. 15; Литвина, Успенский, с. 178]. Выбор имени *Евфросиния* для старшей дочери Ярославом и его женой идеально соответствует логике именнаяречения Рюриковичей, описанной выше. Именно этим, по-видимому, объясняется тот факт, что в 1199 г. княгиня «игуменню поставиша Завижюю посадника»¹⁹. В память об умершей дочери, названной в честь сестры мужа, княгиня основывает монастырь, в котором ставит игуменьей вдову посадника Завида, вероятного потомка Дмитра Завидича.

Основание Марфой Рождественского монастыря происходит вскоре после гибели Изяслава и Ростислава Ярославичей, и кажется маловероятным, что ей потребовалось ждать 10

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

лет, чтобы возвести церковь в честь *рождения* своей дочери и покинуть Новгород. Здесь нельзя видеть и того замысла, который сопутствовал закладке Нередицы в 1198 г. Отступление от канона в хрестоматийном диалоге Лазаря и Богатого, а также совокупность фресок свв. Феклы, Евфросинии, Пелагии и Феодосии в северо-западной оконечности храма объясняются только патрональным, поминальным мотивом: дочь князя уподобляется святым девам, избежавшим замужества со знатным человеком (богачом) и оставшимся «вечными невестами Христовыми».

Отсюда необходимости предполагать в неизвестной святой раскаявшуюся блудницу (Таисию, Пелагию, Марию) нет: мы ожидаем найти св. Марфу — покровительницу жены Ярослава Владимировича [Лифшиц; Пивоварова, 2002б; Гиппиус, 2005а]. Пара имен *Мария* и *Марфа* образует симметрию, прекрасно вписывающуюся в контекст нередицкой росписи на рассматриваемом участке. Предстоя перед Христом-Судией, Мария (Марена) показывает на своих детей, Олисея и Анастасию, а Марфа-княгиня показывает на свою дочь и «Богатого», символизирующего ее земную жизнь в замужестве. Две оранты воздетыми руками соединяют сцены на западной стене, аркосолиях и компартиментах.

Итак, в 1198 г. дочери Ярослава Владимировича не было в живых. А значит, из четверых княжеских детей к 1199 г. выживает только средний сын, Созонт. Три смерти, пришедшие на 1198—1199 г., уже не могут полагаться случайными. Если мы видим во Всеволоде Большое Гнездо непосредственного инициатора этих событий, то логика действий владимирского князя проста: устранение Ярослава Владимировича из междинастической политики, препятствование нежелательному возвышению Новгородской земли можно было осуществить, лишив Ярослава возможности а) заключить брак и б) оставить наследника на новгородском столе. По-видимому, именно это и произошло.

Теперь скажем несколько слов о фресках N_1 — N_2 и Ne .

Традиционно, в рассмотрении двух Никифоров исследователи склонялись к убеждению, что на северной грани юго-западного компартимента изображение N_2 символизирует киевского митрополита [Лившиц, с. 194; Пивоварова, 2002а, с. 31; Гиппиус, Седов, с. 489]. В 1193 г. Никифор возводит Мартирия на новгородскую кафедру²⁰. Напротив, N_1 отождествлялся с неизвестным игуменом Нередицкого монастыря [Лившиц; Пивоварова, 2002а]. Под N_1 в это время мог подразумеваться только патриарх Константинопольский [Лосева, с. 353]. НПЛ сообщает, что в 1196 г. архиепископ Мартирий ставит деревянную церковь «на острове» в память о св. Никифоре: «Томъ же лѣтъ постави церковь на острове святого Никифора Мартурии архиепископъ»²¹. Все эти свидетельства приводят к мысли, что рядом с *Mar* изображен патрон киевского митрополита. Мы, однако, должны обратить внимание на сходство рисунка одежд N_2 и *S*. Плащи, закрепленные фибулами, украшенные по краям жемчугом (?), перекрестными узорами напоминают «княжеские» одежды²² (ср. ктиторский портрет) (см.: [Щербатова-Шевякова, с. 140, 180—181]). С другой стороны, сходство одежд (монашеских накидок) наблюдается в рисунке *Mar*, N_1 и Ne . Они держат свитки и обращены с благословляющими жестами. Принимая трактовку, что N_2 олицетворяет собой киевского митрополита, мы невольно размыкаем линию, объединяющую изображения трех граней юго-западного компартимента. Эта трактовка также вынуждает нас предполагать неизвестного нередицкого игумена.

В окружении Ярослава Владимировича, однако, все-таки был Никифор: «И послаша новгородьци къ нему Мирошку посадника и Бориса Жирославиця, *Микифора съцьскаго* (курсив мой. — Е. Щ.), просяче сына, а Ярослава негодующе; и възворотишася въ Новъгородъ»²³.

²⁰ Там же. С. 40.

²¹ Там же. С. 43.

²² Созонт был пастухом: «Мученикъ Созонтъ бѣ от страны Лукия, пастырь овчии бѣ» [Творогов, с. 274]. Мученик Никифор был «простецом» [Димитрий Ростовский, 2007, с. 180].

²³ НПЛ. С. 42.

«Кажется поэтому глубоко не случайным, — пишет А. А. Гиппиус, — что именно на годы княжения Ярослава приходится значительное укрепление сотенно-купеческой организации Новгорода и введение поста республиканского тысяцкого (см.: Янин 1962: 109–110; Флоря 1999: 90–94) ... Институт тысяцкого, представлявший во властных структурах Новгорода непривилегированное городское население, “всех меньших”, объективно уравнивал институт посадничества как форму осуществления власти “старейших”, т. е. бояр. Создание такого противовеса было поэтому в интересах самого Ярослава Владимировича... Перераспределение важнейших судебных и контрольных функций в пользу сотских и “всего Новгорода”, непосредственно предшествующее учреждению института тысяцкого в его новом виде, было осуществлено в форме издания княжеского устава...» [Гиппиус, 20056, с. 18–19].

Входящий в состав посольства к Всеволоду Юрьевичу в 1195 г., Микифор сотский, по-видимому, единственный возвращается в Новгород; во всяком случае, удерживать во Владимире Всеволод будет посадника Мирошку, Бориса Жирославица, Иванка и Фому, тогда как о Микифоре ничего не рассказывается. Характерно, что Всеволод «прия... Мирошку и Бориса и Иванка и Фому, и не пусти ихъ въ Новъгородъ»²⁴, то есть тех лиц, которым новгородский летописец уделяет внимание в статьях за 1196 и 1197 г. Микифора, как представителя «меньших», Всеволод как бы не принимает. Отметим, наконец, что «идоша из Новагорода *переднии мужи сътъскии* (здесь и далее курсив мой. — Е. Ц.) и *пояша Ярослава съ всюю правдою и чьстью*; и приде на зиму Ярославъ по Крещении за недѣлю и седе на столъ своемъ, и обуяся съ людьми, и добро все бысть; и Мирошка приде посадникъ, съдевь 2 лѣта за Новгородъ; и вси придоша *неврежени ничимъ же*; и ради быша Новегородѣ вси от мала и до велика»²⁵. Возглавлять «передних мужей соцких» в таком случае мог именно Микифор.

Отсюда изображение N_2 получает закономерное объяснение («княжеские» одежды — знак нового статуса сотского в окружении Ярослава); оно вписывается в состав фресок, символизирующих ближайших соратников новгородского князя, а горизонталь «престец (мученик) — Константинопольский патриарх (преп.)» усиливает сравнение «сотский — митрополит» для «взирающих» друг на друга N_1 и N_2 .

О том, чьим патроном был Ne , епископ Магиддийский [Лосева, с. 280], остается строить догадки. Выдвигалась гипотеза, что Ne — небесный покровитель зодчего храма [Колчин, Хорошев, Янин]. Есть возможность отождествить его с изгнанным Андреем Боголюбским епископом Ростовским и Суздальским Нестером («В то же лѣ̄ приде митрополитъ изъ Цряграда Костянтинъ, и приять его князь с чьстью и людье вси. На ту же зиму иде еп̄пъ Нестерь в Русь, и лишиша и еп̄пи»²⁶), который в начале 1160-х годов находился в Константинополе²⁷. Именно в это время, в 1162 г., изгнанные Андреем, в Константинополь прибывают князья Мстислав и Василько Юрьевичи, а с ними Анастасия и Олисей Гречин...²⁸

Фреска св. первомученицы Феклы появляется в росписи церкви Спаса Преображения на Нередице в связи с именем и деятельностью княгини Ярослава Владимировича. Подобно царице Трифене, потерявшей дочь, она находит утешение в обращении к Фекле. Образ святой получает объяснение в контексте фресок северо-западного компартимента, изображающих Евфросинию, Пелагию, Феодосию. Эти святые — девушки, так и не вышедшие замуж и принявшие смерть ради Христа (мирную или мученическую). Св. Фекла — первая и главная из них. На противоположной, восточной грани компартимента, в той же плоскости, где изображены Мартирий, Созонт и Иоанн-воин, фреска «Рождество Богородицы» символизирует праздник,

²⁴ Там же. С. 42–43.

²⁵ Там же. С. 43.

²⁶ ПСРЛ. Л., 1926. (М., 1997). Т. 1. С. 239.

²⁷ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 221–223.

²⁸ ПСРЛ. СПб., 1908 (М., 1998). Т. 2. С. 357–358.

в который родилась княжна. В память о ней Марфа ставит церковь и основывает монастырь Рождества Богородицы. Имя княжны, по-видимому, было *Евфросиния*, которое она получает в честь сестры деда, Владимира Мстиславича. Фрески преподобного и мученика Никифоров, а также двух преподобных (епископов) Нестора и Мартирия задают зеркальность росписей северо- и юго-западного компартиментов. Эта зеркальность усиливается, если мы предполагаем в неизвестной святой, указывающей на преподобную Евфросинию, святую Марфу. Сохраняется дихотомия пространства западного нефа, заданная фреской Страшного суда. В церкви Спаса Преображения на Нередице, задуманной как фамильная усыпальница, должны были быть похоронены Ярослав Владимирович (южный аркосой) и его жена (северный аркосой). К сожалению, этим чаяниям не суждено было сбыться: в 1201 г. во Владимире умирает Марфа²⁹, а сам князь, изгнанный в 1206 г. из Вышгорода Ростиславом Рюриковичем³⁰, навсегда исчезает со страниц древнерусских летописей.

Литература

- Аверинцев — От берегов Босфора до берегов Евфрата. Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / Перев., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М., 1994.
- Атанасова Д. Св. Текла във и през огледалото на апостол Павел // Филологически изследвания в чест на Климентина Иванова за нейната 65-годишнина. Старобългарска литература. София, 2005. Т. 33–34. С. 263–274.
- Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамень» // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 77–93.
- Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 99–114. [Гиппиус, 2005а]
- Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII века // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 11–25. [Гиппиус, 2005б]
- Гиппиус А. А., Седов В. В. Надпись-графито 1198 г. из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси средневековой Руси. К 60-летию Николая Андреевича Макарова. Вологда—М., 2015. С. 478–490.
- Гордиенко Э. А. Культ святых целителей в Новгороде в XI–XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 16–25.
- Димитрий Ростовский. Жития святых. Киев, 2007. Т. 6. Февраль.
- Димитрий Ростовский. Жития святых. Киево-Печерская Лавра, 1764 (Переизд.: СПб., 2009). Кн. 3. Март, апрель, май.
- Древнерусские фрески. Копии из собрания Государственного Русского музея. Каталог. Л., 1983.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Каковкин А. Я. Коптский тканый медальон с изображением мученичества св. Феклы // Византийский временник. М., 1981. Т. 42. С. 139–143.
- Каковкин А. Я. Роль образа святой первомученицы Феклы в росписи «часовни Исхода» в эль-Багавате // Византийский временник. М., 2004. Т. 63 (88). С. 226–232.
- Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Фрески Олисея Гречина³ // Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981. С. 156–160.
- Коробейникова Л. Н. «Житие Феклы» в составе Миней-Четий митрополита Макария: к вопросу об апостольской тематике памятника // Макариевские чтения. М., 2002. Вып. 9. С. 366–379.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Лифшиц Л. И. Об одной ктиторской композиции Нередицы // Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1983. С. 188–196.
- Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков / Под ред. акад. Л. В. Милова. М., 2001. (Памятники исторической мысли.)

²⁹ ПСРЛ. Л., 1926. (М., 1997). Т. 1. С. 287.

³⁰ Там же. С. 294.

- Мещерская Е. Н. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997.
- Миурьянов М. Ф. Алексей Человек Божий в славянской рецензии византийской культуры // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 109–126.
- Мясоедов В. К. Фрески Спаса-Нередицы. Государственный русский музей. Л., 1925.
- Пивоварова Н. В. Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. АКД. СПб., 1999.
- Пивоварова Н. В. Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб., 2002. [Пивоварова, 2002а]
- Пивоварова Н. В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде (1199 г.) // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 460–476. [Пивоварова, 2002б]
- ПЭ. М., 2008. Т. 17.
- Сарабьянов В. Д. Патрональные изображения в программе росписей Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке // ЗОГРАФ. 2013. Вып. 37. С. 87–106.
- Седов В. В. Княжеский заказ в архитектуре церкви Спаса-Преображения на Нередице // Новгородский исторический сборник. СПб., 2000. Вып. 8 (18). С. 36–52.
- Смирнова Э. С. О первоначальной композиции и иконографической программе серебряного оклада XI в. иконы «Апостолы Петр и Павел» из Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002. Т. 23. С. 79–99.
- Сулов В. В. Церковь Спаса Нередицы, близ Новгорода. По акварельным рисункам Л. М. Браиловского и фотографиям И. Ф. Чистякова // Памятники древнерусского искусства. СПб., 1910. Вып. III. С. 1–10.
- Творогов О. В. Описание состава Пространной редакции Пролога по спискам XIV–XV веков. Часть 1. Сентябрь–февраль // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 269–342.
- Успенский А. И. Фрески Спаса Нередицы // Записки Московского археологического института. М., 1910. Т. VI. С. 1–24.
- Щелкина М. В. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. С. 60–80.
- Щербатова-Шевякова Т. С. Нередица. Монументальные росписи церкви Спаса на Нередице. М., 2004.
- Bartlett R. Why Can the Dead Do Such Great Things? Saints and Worshippers from the Martyrs to the Reformation. New Jersey, 2015.
- Cureton W, trans. History of the Martyrs in Palestine by Eusebius of Caesarea, Discovered in a Very Antient Syriac Manuscript. London, 1861.
- Davis S. J. The Cult of Saint Thecla: A Tradition of Women's Piety in Late Antiquity Oxford, 2001 (Oxford Early Christian Studies).
- Johnson S. Review of Stephen Davis, *The Cult of Saint Thecla* (Oxford, 2001) // Heythrop Journal. 2004. Vol. 45. P. 80–82.
- Lehtipuu O. The Example of Thecla and the Example(s) of Paul: Disputing Women's Role in Early Christianity // Women and Gender in Ancient Religions: Interdisciplinary Approaches. Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament. Tübingen, 2010. P. 338–367.

Рис 1. Справа: св. Фёкла из ц. Спаса на Нередице. Северо-западный аркосоль. Фотография Л.А. Мацулевича. Слева: св. Фёкла из ц. Спаса Преображения в Чернигове. Копия. Исполнители: Л.А. Дурново, М.Я. Перепелкина, М.В. Степанова, Е.П. Сачавец-Федорович, Е.А. Радзиевская, Е.В. Тонкова, В.В. Шевяков.

Рис. 2. Св. Евфросиния и неизвестная преподобная. Западная грань северо-западного пилона. Фотография И.Ф. Чистякова.

Рис. 3. Преп. Нестор и
Рождество Богородицы.
Восточная грань северо-
западного пилона,
третий регистр.
Фотография
И.Ф. Чистякова.

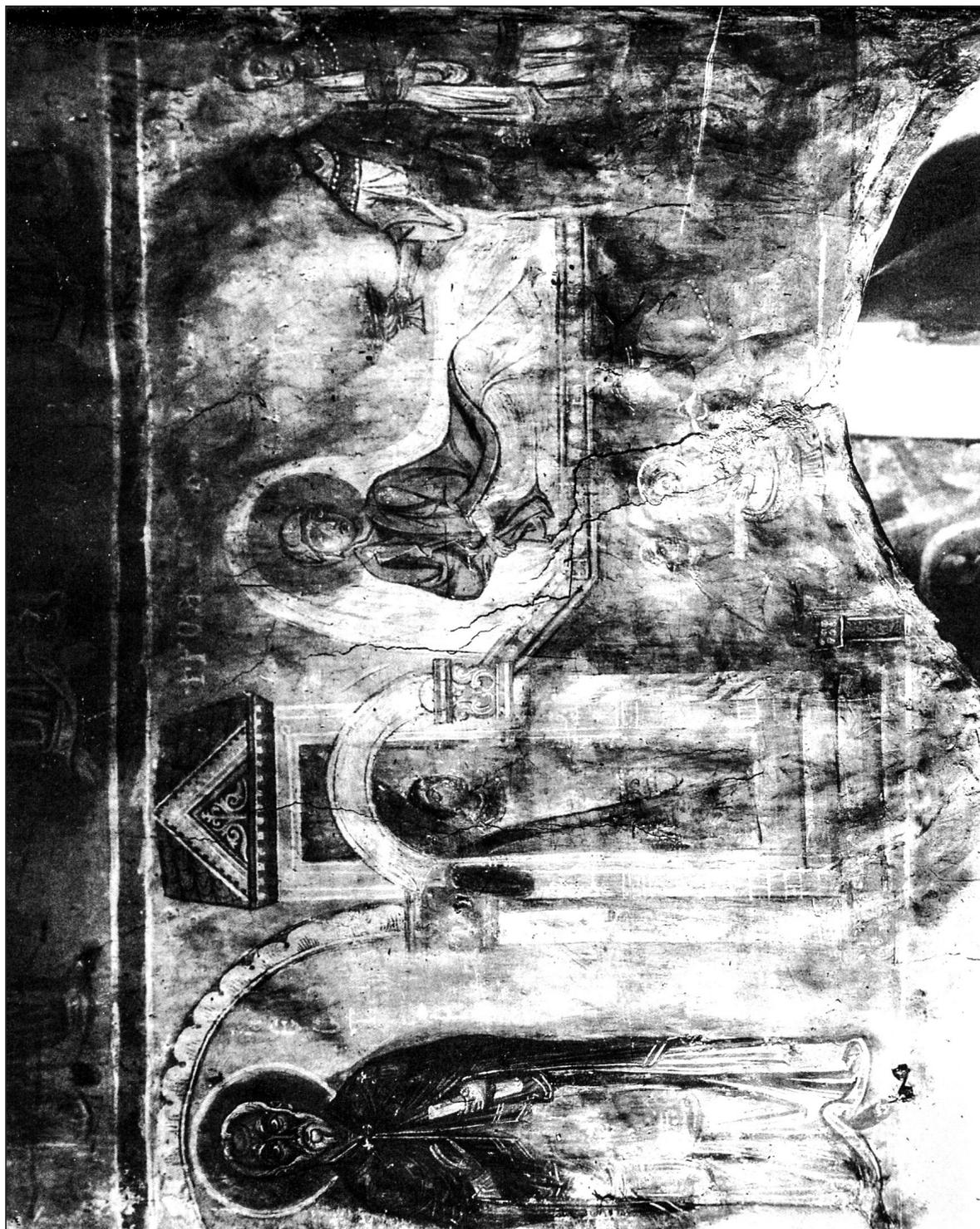

Рис. 4. Св. Иоанн-воин, мчнк. Созонт и преп. Мартирий. Восточная грань юго-западного пилона, третий регистр. Фотография Л.А. Мацулевича.

Рис. 5. Вид от ц. Спаса на Нередице. Слева — купола Георгиевского собора и Юрьев монастырь. Справа — развалины ц. Благовещения на Городище, возведённой на основании Благовещенского собора. Фотография автора. 19 августа 2017 г.

*Рис. 6. Мученик Никифор.
Северная грань юго-западного
пилона. Фотография
И.Ф. Чистякова.*

*Рис. 7. Преподобный Никифор.
Южная грань северо-западного
пилона. Фото И.Ф. Чистякова.*

*Рис 8. Князь Ярослав Владимирович преподносит
ц. Спаса на Нередице Христу*